Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Николай II: крестный путь от «золотого рубля» к национальной катастрофе

СТАТЬЯ 2. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ФОРСИРОВАННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: БОРЬБА ЭЛИТ[1]

Выбор путей развития России происходил в ожесточенной борьбе не только революционеров с самодержавием, но и внутри высших эшелонов власти. Своеобразие политического и административного устройства Российской империи на рубеже XIX–XX веков во многом определялось борьбой двух идейных бюрократических группировок.

Мощной силой были сторонники полицейского государства, которым противостояли сторонники государства правового. Обе группы были едины во мнении, что России нужна самодержавная сильная монархия, но «силовики» в управлении страной всегда предпочитали репрессивные меры, а «правовики» склонялись к ограниченному участию общества в управлении государством. Характерно, что либерально настроенные чиновники имели высшее юридическое или иное специальное образование, а те, кто требовал «кровопролитий», представляли собой «руководителей широкого профиля» без профессиональных знаний или глубокого образования.

МВД КАК «МИНИСТЕРСТВО ПОРЯДКА»

Правые консерваторы видели в крестьянском и прочем народе только дикую толпу, которую надо держать в подчинении страхом, а либерал-консерваторы считали возможным воспитание в российском обществе правового сознания. Российское государство, в понимании правых консерваторов, должно управляться профессионалами и не оставлять места для свободного развития политических, общественных

[1] Первая статья цикла опубликована в Cbonds Review, ноябрь, 2017.

«Если существует <…> народ, не нуждающийся в искусственном покровительстве, то это русский народ. С 50 миллионов жителей около середины XIX столетия население империи выросло до 129 миллионов в 1896 году. Четыре пятых этого населения составляет господствующая народность — великороссы. По мере роста населения развивалась его экономическая деятельность. Сельскохозяйственная продукция удвоилась. Успехи текстильной и металлургической промышленности, стимулируемые системой почти запретительных пошлин и открытием богатых залежей железа и угля на юге, изумительны. Повсюду — правда, главным образом благодаря иностранным капиталам — были основаны заводы. Железнодорожная сеть, не достигавшая в 1866 году и 3000 верст, к концу XIX века имела протяжение около 40 000 верст. Была проведена конверсия долгов и введена золотая валюта. Это экономическое обновление, находившееся к концу XIX века еще в самом начале, <…> могло бы укрепить будущее русской национальности…»[4]

и экономических сил. Основная угроза России исходит изнутри, от ее обитателей, которые готовы растерзать страну в клочья при малейшем проявлении слабости правительством. Чтобы этого избежать, Россией, обширной и непокорной страной, можно управлять только «железной рукой». Они выступали против любого учреждения, нарушающего ход репрессивного механизма управления, против независимых судов и органов местного самоуправления. Основным направлением политики правых консерваторов было сохранение самодержавия, существовавшей сословной кастовой общественной системы при ведущей роли поместного дворянства и изоляция крестьянства. Их оплотом было министерство внутренних дел, считавшее, в лице одного из своих министров, что «русский народ есть народ не государственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия»[1].

В государственном устройстве Российской империи министерство внутренних дел выполняло роль самостоятельной системы внутри правительственного механизма, поскольку перед ним стояла грандиозная задача общего управления страной. К началу XX века министр внутренних дел был верховным управляющим империи, ему подчинялись губернаторы и все полицейские службы в стране, включая жандармерию и политический сыск. Качество управленцев оставляло желать много лучшего. В 1900 году половина российских губернаторов не имели высшего образования, но заведовали всеми промышленными, военными и сельскохозяйственными вопросами губернии, надзирали за земствами и крестьянством. Роль этого всесильного «министерства порядка» ярко выражена в следующем определении: «Выдающееся положение Министерства внутренних дел среди других министерств обусловливается не только многочисленностью, разнообразием и важностью его функций, но и тем обстоятельством, что оно ведает прежде всего полицию, а принудительное осуществление всех вообще распоряжений правительства, к какому бы министерству оно ни относилось, совершается по общему праву, полицией»[2].

На рубеже XIX–XX веков Министерство внутренних дел Российской империи вело борьбу не только против революционеров, но и против всех политических, социальных и экономических реформ, начатых после 1861 года. Например, по поводу местного самоуправления позиция Министерства внутренних дел была однозначной: местное самоуправление может поколебать нравственные основы самодержавия, оно должно быть заменено «строжайшею иерархическою централизацией всех отраслей управления»[3].

Прикрываясь «интересами государственной безопасности», консерваторы выступали против любых мер, направленных на экономическую модернизацию России, включая денежную реформу и золотой стандарт рубля, строительство железных дорог, иностранные займы, индустриализацию, ведущую к опасной концентрации в городах промышленных рабочих — вчерашних крестьян и открывающую доступ к российским богатствам иностранцам и инородцам, в особенности еврейскому капиталу . Российское революционное движение видело в министрах внутренних дел своих ярых врагов и направляло массу усилий на их физическую ликвидацию. Жертвами революционного террора пали министры Сипягин и Плеве.

Однако у России того времени просто не было альтернативы ускоренному экономическому развитию через форсированную государством индустриализацию. В результате отмены крепостного права, выкупной операции и русско-турецкой войны 1877–1878 годов расстроился госу-

В 1900 ГОДУ ПОЛОВИНА РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ НЕ ИМЕЛИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НО ЗАВЕДОВАЛИ ВСЕМИ ПРОМЫШЛЕННЫМИ, ВОЕННЫМИ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ВОПРОСАМИ ГУБЕРНИИ

[1] С. Ю. Витте. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914, стр. 6.

[2] С. Ю. Витте. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914, стр. 5.

[3] Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 1, М., 1994, стр. 80–87.

[4] История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7, М., 1939, стр. 422.

дарственный бюджет, вырос госдолг, назрели огромные финансовые проблемы. Россия остро нуждалась в капитале, чтобы сбалансировать бюджет, поднять государственные доходы, облегчить налоговые и выкупные обязательства крестьянства. Без решения этих проблем Россию ждали финансовый крах и крестьянские волнения. Голод 1891–1892 годов показал невозможность продолжения такой политики. Финансовые и экономические проблемы стали перевешивать соображения государственной безопасности и аргументы консерваторов. Россия неизбежно вступала на путь развития капитализма.

МИНИСТР ФИНАНСОВ ИЩЕТ ПОДДЕРЖКИ ИМПЕРАТОРА

Министр финансов (с 1892 года) С. Ю. Витте не обладал при вступлении в должность необходимыми знаниями и опытом в области финансов или бюджетной системы государства, тем более экономической теории. Однако именно он приступил к смене ориентации бюджетной и финансовой политики, перенеся тяжесть сбора государственных доходов на получение займов за границей, введение государственной винной монополии, повышение косвенных налогов и ускоренное увеличение национального богатства путем индустриализации. Введение Витте золотого стандарта стабилизировало рубль и открыло в 1897 году широкую дорогу для привлечения иностранного капитала в Россию[1]. Борьба за «доступ к телу первого лица» и смену направления экономической политики велась с консерваторами путем направления на высочайшее имя так называемых «всеподданнейших» докладов и записок с последующим проведением под председательством царя совещаний с участием различных министров. Именно Николаю II, как самодержцу и источнику верховной власти, принадлежало право принятия окончательных решений.

В основе программы развития промышленности у Витте лежала национальная идея, сводившаяся к достижению равновесия торгового баланса через таможенное покровительство, создание прочной национальной кредитной системы и стабильной свободно конвертируемой валюты, к избавлению от импорта путем развития собственного промышленного производства и внутреннего рынка[2]. Витте стал убеждать Николая II в необходимости неограниченного привлечения иностранного капитала, несмотря на серьезную оппозицию со стороны «силовиков», поддерживаемых членом царской семьи великим князем Александром Михайловичем, который стремился не допускать иностранцев в нефтедобывающую промышленность на Кавказе. Витте в феврале 1899 года подал «Всеподданнейшую записку» Николаю II, в которой изложил свои взгляды на перспективы экономического развития России и специально отметил: «Ограничение доступа иностранных капиталов не только едва ли удобно в политическом отношении, но еще вредно и в экономическом, и в финансовом отношении». Страна нуждается в том, чтобы торгово-промышленная политика «проводилась по определенному плану, с строгой последовательностью и систематичностью». Только в результате такой политики может быть решена задача «создания своей собственной национальной промышленности, развивающейся на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда». Политика должна основываться на протекционизме, сохранении высоких таможенных тарифов и привлечении иностранного капитала. На совещании 29 марта 1899 года у Николая II Витте удалось отстоять основы предлагаемой им экономической политики.

В феврале 1900 года Витте подал еще одну «Всеподданнейшую записку» Николаю II по вопросу промышленной политики. В ней он обосновал неизбежность индустриализации страны политическими и военными аргументами, справедливо полагая, что императору они будут ближе и понятнее: «Без своей собственной промышленности Россия не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере свое политическое могущество»[3]. Витте поставил вопрос об отмене ограничительных мер на привлечение иностранного капитала в Россию, привел пример Англии и США, добившихся создания своей промышленности за счет иностранных капиталов, убеждая царя, что прилив иностранных сбережений не отразится на национальном характере русской промышленности. Он предсказывал потерю Россией самостоятельности и статуса великой державы, если в течение ближайших десятилетий русская промышленность окажется не в состоянии покрыть не только внутренние потребности, но и потребности азиатских стран, «которые находятся или должны находиться» под влиянием России. Витте связывал будущее экономическое развитие России с активной борьбой за рынки сбыта на Дальнем Востоке и в Азии, что дало бы возможность «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию»[4]. «Мне прямо не говорили нет <...>. Но государь император <...> всегда как будто бы не сочувствовал этой идее. <...> Это несочувствие происходило прямо от того, что государь император, близко не знакомый ни с финансовой историей, ни с финансовой наукой, боялся того, чтобы посредством этого пути не внести в Россию значительного влияния иностранцев»[5].

НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО БУМА

Николай II тем не менее поддержал программу развития промышленности, предлагаемую Витте. Результаты

[1] Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 1, М., 1994, стр. 88–90.

[2] Лутохин Д. А. Граф С. Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915, стр. 5.

[3] Цит. по: Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 1, М., 1994, стр. 88.

[4] Б. В. Ананьич, З. Ш. Ганелин. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. В кн. Экономическая история. Хрестоматия. Изд. 2-е, М., 2008, стр. 330.

[5] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 240.

последовали очень быстро. Привлеченный золотым рублем, в страну хлынул иностранный капитал в форме как иностранных государственных займов, так и прямых инвестиций в промышленные предприятия. Железнодорожное строительство явилось локомотивом развития экономики и российской промышленности, прежде всего горно-металлургической, производства рельсов, машиностроения, кораблестроения, производства паровозов и вагонов. Ударными темпами строились Транссиб и КВЖД в Манчжурии, в среднем в стране строилось более 3000 километров железных дорог в год. Витте активно использовал для железнодорожного строительства средства государственного бюджета. За 1892–1901 годы эти расходы составили 1 млрд 505 млн рублей. Бурно развивались текстильная промышленность, контролируемая русским капиталом, нефтедобыча и нефтепереработка. Из 1292 акционерных обществ, существовавших в России в 1903 году, 794 были созданы в 1892–1902 годах, 205 были обществами с иностранным капиталом. Был создан южный угольно-металлургический промышленный кластер на базе Донбасса и Криворожья, 95% капитала которого составили иностранные инвестиции[1]. Европейские инвесторы верили, что Россия с ее быстро растущим населением и неисчерпаемыми природными ресурсами нуждается только в капиталах и технологиях, чтобы превратиться в новые Соединенные Штаты Америки. В 1890–1903 годах темпы роста промышленности в России были в 2 раза выше, чем в Германии и в 3 раза выше, чем в США. Выплавка чугуна выросла на 216%, а добыча нефти —на 449%. За счет английского и шведского капитала был создан бакинский нефтедобывающий район, и Россия стала крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти и нефтепродуктов. Ежегодный объем добычи нефти был выше, чем во всех остальных нефтедобывающих странах, вместе взятых. В денежном отношении объем промышленной продукции вырос с 1,5 млрд рублей до 3,4 млрд рублей[2]. «В мое управление министерством <... > прочно установилась русская национальная промышленность», — писал Витте[3].

Как и опасались консерваторы, зависимость России от иностранного капитала немедленно привела к усилению давления нарождающегося капиталистического класса на правительство в сторону политики дальнейшей либерализации. Иностранным кредиторам и инвесторам, отечественным капиталистам были не нужны социальные потрясения в России, им было нужно, чтобы Россия развивалась в сторону парламентской демократии, а не самодержавия. Обратившись в поисках капитала на рынки стран с парламентской формой правления, Россия неизбежно оказалась в их силовом поле. «Нельзя не принять в расчет, что за границей привыкли к конституционному государственному строю. Правильность составления государственных бюджетов и их исполнения гарантируется парламентским их рассмотрением и проверкой. Страна, где представительного образа правления нет, <...> всегда внушает подозрение западно-европейским капиталистам», — признавал Витте[4].

Министерство финансов во главе с Витте стало оплотом либеральных идей: «Я был и остаюсь сторонником нестеснения иностранных капиталов, идущих в Россию на пользу ее развития»[5]. Министерство не требовало принятия конституции и создания парламента, но пыталось обуздать бюрократический и полицейский произвол, соблюдать законы, обеспечить равноправие национальных меньшинств, особенно евреев, игравших большую роль в международном банковском деле и при размещении российских заграничных займов ставивших условие отмены черты оседлости. В полном соответствии с диалектикой истории нужды имперской казны и планы экспансии на Восток, требовавшие ускоренного экономического и промышленного развития, толкали Россию на путь экономической политики, которая подрывала основы существования самодержавия.

ОБРАТИВШИСЬ В ПОИСКАХ КАПИТАЛА НА РЫНКИ СТРАН С ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ, РОССИЯ НЕИЗБЕЖНО ОКАЗАЛАСЬ В ИХ СИЛОВОМ ПОЛЕ

[1] Лутохин Д. А. Граф С. Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915, стр. 11, 82.

[2] Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 1, М., 1994, стр. 92.

[3] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 238.

[4] Мигулин П. П. Русский государственный кредит. (1769–1906). Опыт историко-критического обзора. (Эпоха 1893–1906), Т. 3, 2-е издание, Харьков 1907, стр. 1073–1074.

[5] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2, Таллин, Москва, 1994, стр. 238.